

ЖИТЬ В ДРУЖБЕ

(редакция Райнхарда Кёрнера OCD, Лейпциг 2000,
пер. с немецкого – Краков 2003, пер. с польского –
Караганда 2010)

Райнхард Кёрнер OCD

Предисловие

В наше время, когда мы, христиане, вновь более сознательно задаём вопрос об источнике, о самой сущности нашей веры и ищем пути, на которых мы могли бы жить этой верой в сегодняшнем мире и в будущем, как можно более искренно и правдиво, необходимо, прежде всего, одно: мы должны *вернуться к источникам!* Этими источниками являются Священное Писание Ветхого и Нового Завета, Предание и Учительство Церкви, в которых христиане первых десятилетий рассказывают о своей реальной, испытываемой ими встрече со Христом и Его Евангелием. Именно отсюда истекает «источник воды живой» (ср. Ин 4, 10), но он бьёт, струится также и в примерах жизни многих людей, которые с течением истории Церкви вместе с Иисусом верили, надеялись, любили, и которые, таким образом, выходя за пределы своего времени, сами стали «источниками воды живой». К ним также относятся великие личности Кармелитского Ордена.

Тереза Иисуса, Иоанн Креста, Тереза Младенца Иисуса, Елизавета Пресвятой Троицы и наконец Тереза Бенедикта Креста (Эдит Штайн), переживали свою бытность христианином или христианкой в форме монашеской жизни. Однако их харизма, их опыт и их духовность служат всем, ищущим пути, задающихся вопросом, как посреди *своих «кастрюль и сковородок»* (Тереза Иисуса) жить во внутренней тесной связи с Иисусом Христом, «Главой Церкви» (Еф 5, 23).

Авторы серии этих книжечек, живущие в кармелитских монастырях в Германии, выбрали пару золотых мыслей из завещания «духовных учителей» своей монашеской традиции, а также прокомментировали и актуализировали их для современных христиан. Отдельные статьи печатались в 1991-1999 гг. в ежеквартальнике «Karmel-Impulse», написанные кратко, простым языком. Они подсказывали многочисленным читателям какую-либо мысль на данный день, для других же они служили подходящим побуждением к молитве и созерцанию, а в различных группах и кругах их принимали за основу бесед о вере. Поскольку они встретили весьма положительный отклик, мы решили опубликовать их также в таком виде, в виде книжечек.

Сейчас мы отдаём в Ваши руки несколько избранных и прокомментированных изречений св. Терезы Иисуса. В подобной форме изданы также четыре другие книжечки, в которых мы хотим познакомить Вас с ведущими духовными мыслями Иоанна Креста, Терезы Младенца Иисуса, Елизаветы Пресвятой Троицы и Терезы Бенедикты Креста (Эдит Штайн). Отдельные книжечки

взаимно дополняют друг друга, поэтому было бы неплохо познакомиться со всеми.

Кармель Биркенвердер близ Берлина, октябрь 1999 г.

Жизнь св. Терезы Иисуса

28 марта 1515

Родилась в г. Авила в Кастилии; отец еврейского происхождения.

1535

Поступила в кармелитский монастырь Воплощения в г. Авила.

1554

Спустя почти 20 лет монашеской жизни обновляет свою веру и свою жизнь в духе «внутренней молитвы».

1560

«Учреждение» вместе с сёстрами-единомышленницами нового кармелитского ордена («Терезианский Кармель»).

1562

Основание первого монастыря под названием св. Иосифа в г. Авила.

1567

Встреча с Иоанном Креста, которого Тереза привлекла для основания мужской ветви своего нового ордена.

1567-1582

Основание двух мужских монастырей и шестнадцати женских в Испании при достаточно необычных обстоятельствах.

15 октября 1582

Тереза умирает во время поездки с визитацией в Альба де Тормес.

1622

Канонизация.

1970

Папа Павел VI присваивает Терезе звание Учителя Церкви

Произведения св. Терезы Иисуса (на польском языке)

Св. Тереза Иисуса,
Сочинения, том I, *Книга жизни*, пер. с исп. о.еп. Хенрик П. Коссовски, Краков 1997

Св. Тереза Иисуса,
Сочинения, том II, *Путь совершенства, Внутренний замок (Обители), Книга оснований*, пер. с исп. о.еп. Хенрик П. Коссовски, Краков 1987

Св. Тереза Иисуса,
Сочинения, том III, *Духовные отчёты, Побуждения Божией любви, Призыв души к Богу, Конституции, Способ визитации монастырей, Два юмористических письма, Поэзия, Мысли, Письма*, пер. с исп. о.еп. Хенрик П. Коссовски, Краков 1995

Райнхард Кёрнер OCD

«Я расставляю фигуры на шахматной доске, прежде чем начну игру...»

Сёстры просили Терезу, чтобы она написала книгу о молитве, медитации и созерцательной жизни. Тереза исполнила их просьбу. Правда, она уже раньше посвятила этим вопросам свою автобиографию (*«Книга жизни»*), однако, по совету дружественного ей священника и опасаясь непонимания со стороны вездесущей инквизиции, она была вынуждена воздержаться от её публикации. Между тем то, что сёстры получили тогда для чтения, в пятнадцати обширных главах говорит, прежде всего, о совершенно обычных межличностных отношениях, человеческих способах поведения – речь постоянно идёт о смирении, искренности и правдивости по отношению к себе, к ближним и к Богу. Может быть, это не совсем относится к теме?

И только в шестнадцатой главе *«Пути совершенства»* мы читаем следующие слова:

«Сначала я расставляю, так сказать, фигуры на шахматной доске, прежде чем начну игру... Верно то, что кто не умеет расставить шахматные фигуры, тот и играть в них не умеет; кто не сможет дать шах, тот и мат не даст» (16, 1). Во времена своей юности Тереза *«даже такие пустяки умела»* (там же) и помнит, что в шахматах не может выиграть тот, кто потеряет ферзя (королеву) или кто не умеет им должным образом играть.

Также и в духовной жизни, хочет подсказать нам Тереза , не выиграет никто, которого подведут «самые нормальные» человеческие способы поведения, а уж особенно, когда потеряет ферзя (королеву), самую сильную фигуру на шахматной доске; королеву, то есть смирение.

Тереза во всём своём литературном наследии вновь и вновь возвращается к одному и тому же основному принципу, который в своём более позднем, главном произведении «Внутренний замок» она назовёт «хождением в истине» (VI 10, 7). Наученная собственным опытом, она видит необходимый фундамент всей человеческой и духовной зрелости именно в этом. Она также знает о том, что её дело обновления Кармеля может удался лишь в той степени, в какой у неё самой и у её сестёр и братьев, присоединившихся к реформе, будет возрастать мужество смирения. Ибо иначе все разговоры о Боге останутся тщетными и пустыми, и даже полная отречений «духовная жизнь» будет только обычным фарсом.

Пожалуй, именно эта позиция искренности, признающая как убожество, так и богатство собственной личности, приводит к тому, что сочинения Терезы по сей день остаются настоящей школой того, как быть человеком по-христиански.

Райнхард Кёрнер OCD

«Я – женщина, да ещё и не добродетельная, а грешная...»

Женщинам в Церкви никогда не было легко. Причины этого коренятся не в Евангелии и, естественно, не в примере жизни Иисуса. В этом нельзя обвинить даже Апостола Павла, чьи несколько высказываний из Посланий были сочтены «враждебными женщинам». Наверное, на подобное положение вещей более всего повлияло одностороннее мужское мышление, которым была проникнута ментальность всего общества западной цивилизации.

Тереза Иисуса относится к тем женщинам в истории христианства, которые много претерпели по той причине, что они «всего лишь» женщины, но которые, однако, могли прозорливо увидеть, что это не Бог, а мужская односторонняя позиция и узость мышления виноваты в их дискриминации. Тереза отважно объявила в своём окружении борьбу с враждебностью по отношению к женщинам. То, *в каком стиле* она её вела, по сей день освобождает и подбадривает сердца как женщин, так и мужчин. Она ни направляется путём тихого, терпеливого подчинения, ни впадает в «феминистический, эмансипационный протест» и не изолируется от мужчин в обществе и в Церкви. Ведь Тереза найдёт среди них тех, с которыми всю жизнь будет связана узами искренней дружбы. Она избирает путь, который называет *смирением*, путь пребывания в истине, являясь Богу и

своим ближним такой, какая она есть, именно *Терезой*, этой конкретной женщиной, со своими *слабыми* и *сильными* сторонами.

Для Терезы смирение означает прежде всего искреннее признание в том, что она просто-напросто является женщиной во всех отношениях, что у неё есть свои характерологические недостатки так же, как и у мужчин, что у неё, как и у каждого, есть чисто человеческие ограничения. Но вместе с тем это означает для неё бесспорное *да* своим дарованиям и талантам: тем, которые она и как женщина, и как Тереза принесла с собой на свет, а позже – тем, которые приобрела, а также тем, которые, к своему великому изумлению, на протяжении жизни получила в дар. И поэтому когда в своих сочинениях и письмах она постоянно говорит о своих многочисленных слабостях и признаётся в них в своих молитвах, то за этим скрывается искреннее убеждение. Однако Тереза знает также и то, кем она является и кем её соделал Бог.

В своей автобиографии Тереза признаётся, что только когда она глубже всего ощущает близость Бога, то лишь тогда совершенно отчётливо видит, сколь ограничена и мизерна вся её жизнь день за днём, как много у неё слабостей и как много поступков она совершает без любви. *«Случается, что я говорю: Господи, помни, что творишь, не забывай стольких великих грехов моих; а если уж Ты возжелал забыть о них, чтобы мне их простить, умоляю Тебя, помни о них по крайней мере для того, чтобы удержать чрезмерную щедрость Твоих милостей! Не вливай, о, мой Создатель, столь*

драгоценного эликсира в столь хрупкий сосуд (...) Ты доверяешь сии Свои жемчужины женщине, да ещё и не добродетельной, а грешной» («Книга жизни», 18, 4). И потом следуют слова, которых нельзя упустить: «Такие и тому подобные вещи бывало приходилось мне говорить много раз. И только позже я видела, каковы были моё безумие и недостаток смирения в этом» (там же, 18, 5). «Я – женщина, да ещё и не добродетельная, а грешная», – невозможно не услышать юмора, скрывающегося за этими словами, юмора, с которым Тереза посмеивается себе над всем нелепым «мужским миром», юмора, которому учит настоящее смирение.

Томас Рёр OCD

«Они рвутся в полёт, когда Бог ещё не дал им крыльев...»

Мы, люди, сами себе усложняем нашу человеческую сущность. «Дух мира сего» предлагает нам стандарты, которыми мы должны слепо примерять к себе и к которым должны приспособливаться. Мы всегда должны быть богаты успехами, должны быть самыми значительными, самыми сильными, самыми красивыми, а в религиозном отношении – самыми благочестивыми, самыми смиренными... Однако слабости, вины и всякого

рода ограничения перечёркивают нам эти мечты. И тогда мы попадаем в стресс, нас охватывает удручённость, мы страдаем. Ведь мы не принимаем нашей человеческой реальности всерьёз.

Настоящие христианские идеалы не имеют ничего общего с перфекционизмом, они основаны на вере и любви и, прежде всего, – на Божественном Милосердии, которое учит нас, как быть милосердным сначала к самим себе. Да, это правда: Бог стал человеком, чтобы мы благодаря Его милости стали сыновьями и дочерьми Божиими. Но чтобы это произошло, мы должны подражать Богу на пути Его *Воплощения*. А воплотиться, то есть стать человеком, означает принять человеческую бытность, согласиться с нею и научиться её любить.

Одной из реальностей, которая неумолимо и непрестанно напоминает нам об этом, является наше *тело*. Столетиями и даже уже тысячелетиями оно взывает об избавлении от «духа мира сего», который хочет его усовершенствовать, а поскольку это ему не удаётся, то он презирает тело, унижает его, возлагает на него ответственность за несовершенства и бунты. Даже разделяет его на «хорошие» и «плохие» части и считает дьявольским всё то, что «тянет душу долу». Никто не успокоил его воздыхания, тело признали виновным, вместо того, чтобы освободить от этого духа, который требует от него слишком многого и терзает его.

Не только тело, но и *душа* пала жертвой «духа мира сего», который – на этот раз под покровом благочестия, во имя ложно понятого «совершенства» – преследует всё человеческое. Мы не позволяем душе быть человеческой.

Она должна прощать, прежде чем ещё вскрикнет от боли, должна любить даже тогда, когда хотела бы злиться, должна молиться, в то время как не находит слов, должна смеяться, хоть хотела бы плакать, должна сидеть тихо и страдать, несмотря на то, что страдать не хочет, она должна, она должна... Она должна столь много, сколько даже не сумеет в своей человеческой сущности.

Тело и *душа* составляют единое целое, всё, что причиняют телу, причиняют и душе. Им задано естественное взаимное соотношение, и одно не может обойтись без другого. Мы причиняем самое большое зло, которое только можем им нанести, а именно то, что зароняем между ними семена раздора, враждебности. Уже судя по самому страданию, вызванному их разделением и предъявлением каждому из них бесчеловечных требований, видно, как тесно они связаны друг с другом.

Бог стал человеком. Таким образом Он, единственный, Кто никогда не перестал вслушиваться в воздыхания души и тела, позволил им обоим быть *человеческими*. Их хрупкую общность Он избрал себе в обитель.

«Многие, как мне думается, заблуждаются в этом отношении, срываясь в полёт, когда Бог ещё не дал им крыльев»,— пишет Тереза своим сёстрам (*«Книга жизни»*, 31, 18). Нам говорят – или же мы сами хотим? – быть бабочкой, но мы не хотим согласиться с тем, что сначала мы должны быть гусеницей.

Кто хочет взметнуться в полёт, должен быть человеком! Сейчас наши крылья – это упование, что мы на пути к совершенству души и тела. Это упование освобождает

нас от «духа мира сего», поскольку оно целиком и полностью полагается на милосердное человечество Бога, человечество, показывающее нам, как быть людьми по-настоящему. Бог в Своём человечестве является Богом, и благодаря Ему мы можем действительно взлететь – на Его руках.

Томас Рёр OCD

«Скорее я устану, причиняя огорчения Богу, чем Он перестанет прощать меня»

Сильным мотивом, побудившим Терезу к поступлению в Орден, был страх, что она находится *«на пути, ведущем в ад»* («Книга жизни», 3, 5). Она сочла, что *«монашеское состояние самое лучшее и безопасное»* (там же) и что благодаря ему она избежит опасности. Разумеется, в то время она ещё не знала, что и в монастыре можно разминуться с Богом, так же, как и где-либо в другом месте – от этого не спасёт никакая так называемая «духовная программа», которой охвачен ритм дня в монашеской жизни.

Тем, что скрывалось за этим побуждением её жизненного решения, было не что иное, как чистый страх, вызванный ошибочным образом Бога. Такой образ Бога она позже начнёт считать как раз оскорблением Бога. К тому же истекающая из этого позиция приводит только к

самообману и ханжеству (в этом Тереза сама в конце концов убедилась), ведь пред лицом такого Бога не очень-то хочется видеть во всей своей истине грехи, вины и всякую бессмыслицу в своём сердце. Кроме того, страх приводит к тому, что человек вытесняет из своего сознания, сваливает на других и осуждает у них то, что сам носит внутри себя. Он избегает ответственности за свою жизнь и всё время только повторяет, что во всём виноваты все остальные.

Что может освободить от этого религиозного порабощения, от этого страха, подавляющего жизнь и делающего взаимоотношения невыносимыми? Как избавиться от всего этого «демонического образа Бога», который и по сей день делает людей больными и по причине которого они кажутся так сильно «принуждёнными, порабощёнными»? Тереза нашла выход спустя долгие годы борьбы и страданий. В *созерцании Человечества Иисуса*, чему позже, в своём наставлении для сестёр, она будет придавать такое большое значение, ей навстречу выходит другой Бог. Тот был скорее «неприятный», этот Бог становится *Богом-другом*, с Которым она проводит «*задушевную, много раз возобновляемую беседу*» и о Котором она знает, «*что Он нас любит*» (там же, 8, 5). Пред таким Богом, Который носил человеческий облик Иисуса, страх уступил место доверию.

Это вовсе не означает, что с этой минутой пора многих несовершенств и всё новых вин бесповоротно закончилась. Тереза слишком хорошо знала, что ни один человек на земле никогда не будет ангелом. Но с тех пор

она уже могла принять и согласиться с фактом своей человеческой сущности. Она испытала освобождение от такого нечеловеческого принуждения соблюдать постоянную бдительность, чтобы только не согрешить: *«Скорее я устану, причиняя огорчения Богу, чем Он перестал бы прощать меня»* (там же, 19, 15).

Сегодня часто можно услышать упрёк в том, что подобный образ милосердного Бога приводит лишь к тому, что люди совершенно утрачивают чувство ответственности за свои поступки, а их действиям служит девиз: Бог и так меня простит, а значит, всё равно, что я делаю. Не провоцирует ли Тереза именно на такой подход? Вот как раз она-то никогда и не могла согласиться с таким выводом. Ни страх пред Богом, ни бессмысленная уступчивость, «спускание поводьев» не имеют ничего общего с терезианским переживанием Бога. Поскольку оба подхода являются признаками недостатка веры, а стало быть – слишком слабой *связи с Богом*. Человек, который обрёл в Боге друга, просто-напросто не может так думать. Он также не может поступать и позволять себе делать всё, что только ему вздумается. И даже если по человеческой слабости и ограниченности, которые будут сопровождать его до самой смерти, хотя бы он и был невесть какой святой, он по-прежнему будет причинять зло, то у него всё же останется та уверенность, что Бог поймёт его и никогда не будет мстить. И тогда он вспомнит о той блаженной вине, о которой мы поём в пасхальной литургии, во время которой упование прогоняет темноту страха.

Ульрих Добхан OCD

«У меня была такая милость от Бога, что, где бы я ни была, всегда умела всем понравиться и везде была любима»

Тереза, великий мистик, «эксперт» в области общения с Богом, просто замечательно умела обращаться с людьми и жить с ними в дружбе. Она без всякой самоуверенности говорила о себе: *«У меня была такая милость от Бога, что, где бы я ни была, всегда умела всем понравиться и везде была любима»* («Книга жизни», 2,8). Её повседневный опыт показывает, что это была правда. Любовь к Богу и расположение к людям у Терезы никоим образом не противоречили друг другу. Наиболее отчётливо это заметно, пожалуй, в дружбе с отцом Херонимо (Иеронимом) Грасианом Матери Божией. Её отношение к нему и к остальным побуждает к размышлению над действительно горячей, животрепещущей темой: каким образом любовь к Богу и расположение к людям могут сочетаться друг с другом. Ведь часто именно в этом усматривается противоречие. Всё время повторяется, что ничего, ну просто абсолютно ничего нельзя предпочитать любви к Богу, даже самого любимого человека. Из такого подхода к вопросу часто возникают конфликты, разрушительно воздействующие на жизнь данного человека: ощущение чувства вины, страхи... Ничего удивительного в том, что из-за

подобного рода набожности многие люди полностью лишились радости в вере и религии.

У Терезы иначе. Она может без чувства вины сказать, умеет понравиться своим ближним и что повсюду очень любима. Но эта искренность и простота были даны ей не сразу. В монастырь она поступила в порыве страха от того, что со своей женской «легкомысленностью» и пристрастием к встречам с людьми она что-то забирает у Бога; поэтому она считала, что должна возместить это монашеской жизнью. (ср. там же, 3, 6).

Как Тереза пришла к столь радикальной перемене своего мышления и поведения, к столь совершенно иному взгляду? Существенной помощью для неё было воспоминание одного из самых важных открытий детских лет, одной из *«истин, познанных некогда в детские годы»* (ср. там же, 3, 5), что в конечном итоге всё на этой земле преходяще и нет ничего ни устойчивого, ни вечного. Только Бог существует, а во всём остальном нет постоянства. Именно открытие этой истины оградило её от ухода с головой во взаимоотношения с людьми, как будто они могли бы заменить ей абсолют; поскольку, и это она поняла со всей ясностью, даже наиболее глубоко переживаемая человеческая симпатия не может исполнить её окончательных мечтаний. «Только Бога достаточно»,— такие слова дал ей для размышления Иоанн Креста.

Ещё намного более Терезе помогло то, что она могла поверить Богу – или лучше сказать: что с течением жизни она научилась *мочь верить Богу*, что Он любит её такой, какая она есть. Уверенность в этом приводит её к

убеждению, что она обрела от Бога дар угодной всем, являющийся для неё и для других ощутимым выражением Его любви к ней. Теперь она уже не должна воспринимать Бога как соперника в своих взаимоотношениях с другими людьми. Бог намного более становится для неё Тем, Кто даровал ей возможность быть любимой и принятой людьми и всем сердцем желает ей этого; тот факт, что люди любят её, становится для неё признаком того, что сам Бог любит её.

Оба вышеупомянутые открытия, – а именно то, что, с одной стороны, «только Бога достаточно», и что, с другой стороны, всё то расположение и внимание, которым окружают её люди, желаемо и даровано Богом, – помогли Терезе искренне любить людей. Теперь она уже могла открыто оказывать им своё расположение, сердечно радоваться их симпатией к ней и вместе с тем она оставалась свободной от попадания в зависимость.

Быть любимой Богом и быть любимой людьми, (а любовь к Богу и любовь к людям не соперничают друг с другом), эти две реальности не исключают друг друга взаимно, между ними нет никакого «или-или: одно из двух». Тот, кто, подобно Терезе, сможет поверить в это, тот в состоянии созреть до интегрированной личности. И просто в силу этого обстоятельства отсюда следует то, что, где бы этот человек ни находился, он *«умеет быть угодным всем и везде очень любим»*.

Райнхард Кёрнер OCD

«Когда человек обращается к людям, тогда он теснее всего связан с Тобой»

Мне показалось, что я плохо прочитал, когда впервые наткнулся на следующие слова в одном из небольших произведений Терезы: *«О, мой Иисусе, сколь же велика сия любовь Твоя, коей Ты любишь сынов человеческих! Ибо величайшая услуга, какую Тебе может оказать душа, есть то, когда ради любви к ближним и ради их спасения она оставит Тебя!»* (Призыв души к Богу, 2, 2). Следовательно, чтобы понять это поразительное высказывание, нужно приведённую фразу прочесть прежде всего в том значении, в котором предположительно мы ожидали бы её услышать, более или менее, таким образом: Ибо величайшая услуга, какую мы можем оказать Тебе, есть то, когда ради любви к Тебе мы оставим людей и обратимся только к Тебе... Во всяком случае и по сей день можно часто встретиться с убеждением, что якобы необходимым условием совершенного благочестия было бы оставить «мир» и ближних, чтобы можно было беспрепятственно и безраздельно предаться Богу.

Тереза чётко и решительно противится этому. Альтернатива: Бог или человек – чужда ей. В её дружеской связи со Христом, начало которой положила не она, а Он, Тереза познаёт, сколь велика Его *«любовь к*

сынам человеческим». Таким образом её жизнь становится жизнью вместе с Ним. Все её поиски Бога, вся её молитва как дружеское пребывание со Христом и во Христе не имеют впоследствии целью только личную, внутреннюю тесную связь с Богом, но также становятся основой дружеских отношений с ближними. В Иисусе она может прочесть, что Бог желает не отказа от взаимоотношений с людьми, а их углубления и исцеления.

Благочестие, направленное исключительно на отношения к Богу, если внимательно к нему присмотреться, является бегством от Бога и от Его *«любви к сынам человеческим»*. Оно представляет собой препятствие на пути к полной человеческой зрелости, становится несправедливым по отношению к ближним и в конце концов ведёт к тому, что можно разминуться с Богом – во всяком случае с таким Богом, Который в Иисусе явился Тем, Кто обращается к Своим творениям и ищет тех, кто вместе с Ним хочет любить и быть любимым, с чьими человеческими сердцами Он мог бы «соединиться» и быть едино в любви.

Хотя Тереза предостерегает от так называемых «особыми, односторонними привязанностями» (ср. *«Путь совершенства»*, гл. 4). Однако тем самым она обращается не против истинных человеческих отношений, а против тех способов поведения, которые скорее являются заключением союза против остальных в общине и, следовательно, не имеют с дружбой ничего общего. Именно такие способы поведения можно

преодолеть и исцелить там, где, опираясь на дружбу с Богом, мы следуем по пути дружбы с ближними.

Иисус не расторгал любви к ближнему в пользу любви к Богу, а также любви к Богу в пользу любви к ближнему. Одно с другим взаимосвязано, также в своём постоянном напряжении. Причём «любовь» это не только общее чувство ко всем людям. Тереза переживала глубокие, весьма конкретные дружеские отношения с женщинами и мужчинами. Иногда она даже болезненно испытывала отсутствие их близости, но это не было признаком её «несовершенства». Тем самым она ещё более осознала, как важна в её жизни также и человеческая симпатия и как сильно она нуждается в дружбе, чтобы жить, – именно по причине своей любви к Богу. Тереза не заменяет ни Бога человеком, ни человека – Богом, ведь в таком случае она лишилась бы *как людей, так* и Бога...

Райнхард Кёрнер OCD

«Как же это так, Боже мой, что для души, желающей лишь Тебе быть угодной, такое отдохновение становится мучением?»

История христианства знает некую ошибочную концепцию духовной жизни, которую Церковь уже в первые века (I – III вв.) определила и осудила: это дуализм. Все его исторические формы объединяет та же

самая общая позиция, которая свойственна ещё порой и нам и которую можно выразить следующими словами: Бог хороший – мир плохой. «Мир» – это не христиане, это работа и профессия, это плоть со всем тем, что её волнует и беспокоит, прежде всего с сексуальностью, это стремление к красоте и радование ею, это природа и среда, это разум и наука... это как раз всё, что «мирское». Дуализм – это подход, который мы в наше время метко определяем «презрением мира и жизни». Такое отношение, чаще всего совершенно неосознанное, можно обнаружить и в наше время также в душах духовных людей. Оно проявляется, например, в представлении о том, что настоящая «всецелая преданность Богу» возможна лишь для того, кто откажется от супружества и лучше всего совершенно «покинет мир». С этим сочетается приуменьшение ценности супружества как менее подходящего образа, чтобы всерьёз жить с Богом. Такая позиция проявляется также в преувеличенной оценке достоинства монашеской жизни как лучшего, самого интенсивного пути бытности христианином, «совершенного состояния», а также в часто ещё употребляемых, даже в официальных текстах, словах о «более точном» подражании Иисусу в призвании к монашеской жизни. Такое отношение можно по-прежнему обнаружить в некоей точке зрения на аскезу, согласно которой следует подавлять всякую радость от того, что прекрасно и естественно. Оно проявляется в представлении о том, что жизнь, направленная к Богу, исключает дружбу и глубокую связь с людьми... – короче говоря, дуализм присутствует

повсюду там, где человек забывает, что говорит Библия об окончании сотворения мира: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт 1, 31) – а также забывает, что Иисус предпочитал, чтобы о Нём лучше говорили, что Он «любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Мф 11, 19; Лк 7, 34), нежели странствовать по земле как угрюмый аскет.

Эти представления были укреплены переводом одного высказывания, найденного после смерти Терезы в её breviарии (часослове): «Достаточно лишь Бога». То, что Тереза (или Иоанн Креста, от которого, согласно новейшим исследованиям, исходит эта фраза) понимала под своим «Solo Dios basta», мы должны передавать скорее словами «Только Бога достаточно», или: «Только лишь Бога достаточно», («Только одного Бога достаточно»). Поскольку Тереза, безусловно, хотела сказать не то, что человек должен иметь пред глазами только и исключительно «одного Бога», а что только *тогда* он сможет *надлежащим образом* видеть самого себя и *весь мир*, в котором поместил его Создатель, а также пользоваться им и радоваться им, когда войдёт в глубокие личные отношения с Богом. Стало быть, «мир» не исключается, но действительно существует в целостной точке зрения человека, живущего по духу, только благодаря соотношению с Богом, любящим всё, что Он сотворил.

«Как же это так, Боже мой, что для души, желающей лишь Тебе быть угодной, такое отдохновение становится мучением?» (Призыв души к Богу, 2, 1) – вот

так говорит Тереза совершенно «оригинальным тоном» своего опыта и уверенности!

Проблема дуализма состоит в том, что он искажает у человека истинный взгляд на действительность, особенно в том числе и на великие духовные ценности – например, на целибат, но также на супружество; на монашескую жизнь, но также и на «светскую» жизнь; на одиночество пред Богом, но также и на дружбу; на аскезу, но также и на радование тем, что прекрасно и благо; на природу и на со(!)творение; на тело и на душу... И в конечном счёте дуализм – это позиция, искажающая взгляд на Бога, ставшего в Иисусе истинным *человеком и Богом*; позиция, которая, в сущности, не хочет верить в то, что Бог всё, действительно всё в этом мире создал если и не совершенным, но тем не менее весьма хорошим (ср. Быт 1).

Ульрих Добхан OCD

«Молитва – это доверительное и дружеское общение с Богом»

У многих людей есть трудности с молитвой. В первую очередь их беспокоит рассеянность, недостаток времени, стресс повседневной жизни... Могло бы сложиться такое впечатление, что эти трудности появились только сегодня – в нашу стремительно несущуюся эпоху, полную шума,

волнения, избытка раздражающих факторов. Это правда, но только в некоторой степени, ведь у молящегося человека с давних времён, в том числе и у святых, подобных Терезе Иисуса, были те же проблемы. Тереза почти двадцать лет ощущала свою жизнь так, как будто бы жила *«в бурном море, постоянно то падая, то вновь поднимаясь, да и то слабо, – и потом снова падая»* («Книга жизни», 8, 2). Она очень страдала из-за этой внутренней душевной раздвоенности и непоследовательности, а также из-за рассеянности во время молитвы: *«очень часто, в течение нескольких лет, я была занята более желанием того, чтобы побыстрее закончился час, предназначенный для размышления, и прислушиванием, когда пробьют часы, чем добрыми и благочестивыми мыслями. И порой я охотнее бы взялась за строгое умерщвление, которое бы мне назначили, чем за то, чтобы собраться в духе для совершения внутренней молитвы»* (там же, 8, 7).

Часто люди, испытывающие такие трудности в молитве, слышат совет: «Ты должен ещё больше постараться! Больше настойчивости! Ты должен избегать всяких причин для рассеянности и отвлечения внимания! Тебе надо каждый день читать дополнительно молитву к Святому Духу!..» Однако во многих случаях это приводит лишь к возрастанию проблемы и усилению чувства недовольства, вины и страха. Ничего удивительного в том, что потом уже многие не хотят уже ничего слышать о религии и Церкви, о молитве и благочестии, и оставляют всё это, чтобы «только теперь наконец почувствовать себя свободными». Подоплёкой

этих ранений служит убеждение в том, что молитва – это, прежде всего, ежедневная обязанность, которую надо тщательно исполнять. И вновь можно спросить, какой образ Бога стоит за этим? Действительно ли Бог нуждается в эффективности наших молитв? Неужели действительно только наши религиозные упражнения, практики благочестия и жертвы могут побудить Его прийти к нам на помощь? Разве Он – такой Бог, Которому мы должны что-то дать, чтобы Он, в свою очередь, нам за это чем-то отплатил? – И если люди разрывают отношения с *таким* Богом, то правильно делают!

Также у Терезы в течение жизни изменялось представление о Боге. Решение поступить в монастырь было ещё сильно мотивировано страхом пред Богом, однако Тереза всегда, ещё до своего поступления в Орден, старалась войти в личную связь с Богом, представляя себе Иисуса как человека: *«Я старалась, насколько могла, представлять себе, осознавать присутствующего во мне Иисуса Христа, Господа нашего. Таков был мой способ молитвы»* (там же, 4, 7). Итак она пыталась свой формировать «образ Бога» соответственно Иисусу, так как Его представляют Евангелия и, таким образом, открывала новый вид молитвы и жизни.

Забота Терезы об обновлении своей связи с Богом может иметь основания также в её личности, потому что она сама говорит о себе: *«У меня была такая милость от Бога, что, где бы я ни была, всегда умела всем понравиться и везде была любима»* (там же, 2,8).

Человек, знающий, что такое дружба и симпатия, уже по своей натуре чувствует, что с далёким Богом и со скорее формалистической набожностью дело никуда не пойдёт. И таким образом Тереза пришла к убеждению, что Он, *«будучи Богом, также и человек, и не удивляется человеческой убогости, ибо знает жалкую природу нашу... Хотя это Господь, я всё-таки могу разговаривать с Ним как с другом...»* (там же, 37, 5).

Бог, Который не удивляется, а понимает! После такого открытия Терезы уже легко понять определение молитвы, ставшей со временем известной: *«Ибо внутренняя молитва, по моему мнению, есть не что иное, как доверительное и дружеское общение с Богом и задушевная, много раз возобновляемая беседа с Тем, о Котором мы знаем, что Он нас любит»* (там же, 8, 5).

Пред лицом и в близком присутствии *такого* Бога недостаточная настойчивость, непоследовательность и рассеянность уже не имеют никакого значения. Пред Ним уже нет места на чувство вины и чувство страха. Пред *таким* Богом может даже случиться то, что мы совершим ошибку или согрешим. И тогда уверенность в том, что Он нас любит и принимает такими, какие мы есть, будет больше помогать нам избегать ошибок и грехов, чем хорошо обдуманнные советы, побуждающие к тому, чтобы быть более последовательными и увеличить число молитв. Ничего удивительного, что Тереза даёт следующий совет в отношении молитвы: *«Кто уже раз начал упражняться во внутренней молитве, сколь бы ни были многочисленны и велики его пороки и недостатки, пусть не оставляет её, ведь именно размышление есть*

средство, при помощи коего можно исправиться, а без него исправление будет намного труднее. (...) Кто же её ещё не начал, того ради милости Спасителя прошу, пусть не лишает себя столь великого блага. И нечего тут бояться, стоит только захотеть». (там же). Стало быть, самое важное – жизнь в дружбе с Богом, забота о пребывании с Ним как с другом. И тут также становится ясно, что молитву нельзя воспринимать, как какую-то «заправку горючим, подзарядку» или же как выполнение ещё одного из многообразных требований повседневной жизни. Не была бы она тогда бескорыстной беседой, не была бы встречей с Ним, «*доверительным и дружеским общением с Богом*», а скрывала бы в себе какую-то цель. Разумеется, даже такое, не лишённое скрытой цели и выгоды пребывание с Богом даст возможность почерпнуть новых сил, чтобы справиться с профессиональными обязанностями и трудами повседневной жизни, но тем не менее, только свободное от тайной цели и бескорыстное пребывание с Богом защищает от подчинения «прессингу эффективности» и не допускает, чтобы молитва стала какой-то новой, дополнительной обязанностью, которую слишком быстро мы начнём ощущать как бремя. Кроме того, такое наше бескорыстие является проявлением настоящей дружбы; всё остальное означает, что молитва, а косвенно также Бог, подчинены целям человека.

Молитва в таком понимании действует освобождающим образом и позволяет человеку действительно быть самим собой, не отказываясь ни от какого составного элемента личности; такая молитва приводит к интегрированию

личности. Она воплощает в реальность то, что сказал Господь: «Я пришёл для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин 10, 10).

Райнхард Кёрнер OCD

«Иметь пред глазами Господа Христа в Его человеческом виде»

В научном богословском языке время от времени делается различие между «Иисусом» и «Христом». И всякий раз речь идёт об одном и том же Иисусе Христе. Однако богословы в некоторых публикациях для ясности высказывания говорят о «Христе», подразумевая под этим Христа Воскресшего, Того, Кто живёт сейчас и присутствует среди нас, а имя «Иисус» они употребляют тогда, когда говорят о Его земной жизни, жизни Иисуса из Назарета. Это различие может пригодиться и в духовной жизни. Поскольку также в практике веры очень важно иметь пред глазами Иисуса Христа, равно как «Иисуса», и как «Христа». В этом случае от этого зависит не только ясность богословского высказывания, но и ясность нашей жизни.

Жить духовно значит жить со *Христом*, присутствующим здесь и сейчас. Если бы я видел только Иисуса из Назарета, моя вера была бы ещё как бы мертва. Возможно, тогда Иисус был бы для меня примером,

внушительной личностью из Библии или же просто ещё одним, более или менее вразумительным элементом моего религиозного мировоззрения. И лишь когда я обращаюсь к Нему и пытаюсь прожить день вместе с Ним, наступает переход от обычной жизни с христианскими «убеждениями» к жизни с Богом, явившим Себя в Иисусе.

Тем не менее я должен иметь пред глазами также *Иисуса*, Который в своё время стал человеком, рос в Назарете, проходил по Галилее, умер в Иерусалиме на кресте и передал Апостолам весть о Своём Воскресении. Иначе я был бы в опасности. Мне угрожало бы то, что я начал бы чтить какого-то идола, выдуманного Иисуса, что перепутаю Его с моими мечтами или религиозными чувствами. То, кем является Христос в моей молитве, я могу прочесть лишь в Иисусе Библии. Мне нужен Иисус, чтобы знать, Кому я молюсь и Кому вверяю свою жизнь. Более того: только всматриваясь в того Иисуса, я могу узнать, кем вообще является Бог. Иисус – это истинный «образ Бога»: «видевший Меня видел Отца» (Ин 14, 9). В Нём Бог становится объективной величиной моей жизни, без Него я легко попадаю в зависимость от субъективных представлений, которые по-своему формируют мою душу и делают из меня карикатуру «духовного человека».

Тереза Иисуса ещё не знала этого богословского различия между «Иисусом» и «Христом», но в своей практике веры она совершенно осознанно жила с Иисусом и со Христом. Её божественный «Друг» был Кем-то живо присутствующим, с Ним она встречалась во время молитвы, с Ним она жила *«и на кухне, среди*

кастрюль и сковородок» («Книга оснований», 5, 8). Но вместе с тем она всегда всматривалась в Иисуса в Евангелии и своим сёстрам также настоятельно предписывала, чтобы они «всегда имели пред глазами Господа Христа в Его человеческом виде» («Книга жизни», 22, 9). Всё остальное причиняет «великий вред» и является «признаком недостатка смирения», пишет она всем, кто считает, что может без этого обойтись (там же). Бенедикт ли, Франциск ли, Хильдегарда Бингенская или Игнатий Лойола – учителя духовной жизни, подобно Терезе, направляют нас к Иисусу в Его человеческой ипостаси. Я должен представлять пред глазами сцены из земной жизни Иисуса и одновременно вчувствоваться в Него, проникнуть сердцем: как Он мыслит, как и что ощущает, что Он любит и что ненавидит, как Он поступает с людьми, как Он исцеляет и как упрекает, как Он плачет и как приносит радость, как Он ищет воли Отца, как Он молится, как он переносит искушение, как Он на кресте предаёт свою жизнь в руки Отца... Только тогда я могу испытать, Кто мне здесь близок, когда божественная близость коснётся меня в глубине души, и только тогда я знаю, к Кому обращаюсь во мраке веры... Чем лучше я узнаю Его как Иисуса, тем больше смогу любить Его как Христа.

Христос моей молитвы – это тот же самый Иисус из Галилеи, о Котором свидетельствуют Евангелия: и сегодня Он тоже думает и любит точно так же, как и тогда.

Райнхард Кёрнер OCD

***«Также и на кухне, среди кастрюль и сковородок,
Господь рядом с вами»***

На протяжении всей истории христианской веры продолжается просто неискоренимое недоразумение: «духовная жизнь» воспринимается как время, предназначенное для молитвы, созерцания и других «духовных упражнений», а значит, как некий «чаще всего достаточно непродолжительный» отрезок повседневной жизни, который включает в своего рода религиозные рамки значительно большую часть дня, связанную с работой и досугом. Это представление по сей день бытует как у христиан в монастырях, так и в кругах священников и мирян. Последствия этого мнения никогда не заставляют себя долго ждать; они проявляются в следующем озабоченном вопросе: «сколько времени мне надо отвести на духовную жизнь, чтобы быть хорошим христианином?», а также в том факте, что даже горячо и усердно молящийся человек, если присмотреться внимательнее, «нормальную» часть своего рабочего дня занят, в принципе, безбожными делами...

Тереза в своей *«Книге оснований»* написала одну фразу, которая даёт абсолютно ясный и убедительный ответ на насчитывающий уже много веков богословский вопрос об истинном соотношении между молитвой и работой, «действием и созерцанием»: *«Также и на кухне, среди*

кастрюль и сковородок, Господь рядом с вами» (5, 8). Также и мне эти слова пролили немало света, когда я впервые наткнулся на них на одной открытке с поздравлениями, составленной с юмором, которого нельзя было не заметить.

Этими словами Тереза хотела сказать своим сёстрам, что «духовную жизнь» нельзя свести лишь к часам молитвы и созерцания в строгом смысле слова, но также вся повседневная жизнь во всей своей полноте и протяжённости может быть *прожита духовно*. Ключевыми словами в её произведениях, которые ближе описывают такой вид жизни, являются «*дружба со Христом*» и «*внутренняя молитва*». Для того, кто, подобно Терезе, сможет рассматривать веру как *жизнь в отношении, в связи*, а Христа как Друга и верного спутника, будет очевидно, что даже такой совершенно обыкновенный и зачастую такой «мирской» повседневный труд требует не только того, чтобы охватить его молитвой и «посвятить» Богу, но и того, чтобы он был *выполнен с Богом*. А как это сделать? Иоанн Креста, которого Тереза называла «отцом моей души», был наиболее склонен выражать это словами: «*любящее внимание к Богу*». Я думаю о том, что *Бог здесь*, (несмотря на то, что сокрыт для чувств) – как «*на кухне*», так и в «*уголке молитвы*», а также в церкви, – и обращаюсь к Нему, говоря со всей сознательностью: «*Боже*», пребываю с Ним в молитве и иду с Ним на работу, вместе с Ним принимаю мои решения, смеюсь с Ним и вместе с Ним плачу...

Тереза ничего другого не имеет в виду, когда, ссылаясь на традицию веры, говорит о *«внутренней молитве»*. Под этим она подразумевает не какую-то особую форму молитвы, нечто отличное от созерцания, молитву при помощи готовых формул и т.д., а сознательное обращение к Богу «из глубины», совершенно непосредственно, независимо от того, как выглядела бы молитва внешне – вот вполне обыкновенное и, собственно, легко выполнимое для каждого человека «дело» души, которое превращает в молитву «чтение по чёткам», а обыденную жизнь и работу делает «совместным действием»...

Пожалуй, Тереза, не предполагала, что этой своей короткой фразой укажет путь к новой жизни не только своим сёстрам в монастыре, но и многим людям, которые, как прежде, так и теперь путаются в своих «кастрюлях и сковородках».